

ОТКРОВЕННЫЕ РАССКАЗЫ СТРАННИКА

БИБЛИОТЕКА ПАЛОМНИКА

**Сборник
Откровенные
рассказы странника
духовному своему отцу
Серия «Библиотека паломника»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11829502

Откровенные рассказы странника духовному своему отцу: Даръ;

Москва; 2013

ISBN 978-5-485-00376-0

Аннотация

«Откровенные рассказы странника» являются лучшим учебником молитвы. Впервые эта книга появилась в России в XIX веке в самый расцвет старчества, в основе которого лежал так называемый «путь духовного делания», т.е. созерцательное отношение к жизни и познание себя в окружении мира. Первое издание книги стало, как бы сейчас сказали, бестселлером, – и она остается им спустя столетие.

Содержание

Предисловие	5
Рассказ первый	13
Рассказ второй	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Откровенные рассказы странника духовному своему отцу

Рекомендовано к публикации Издательским
Советом Русской Православной Церкви
№ ИС 10-08-0366
© Издательство «ДАРЪ»

Предисловие

«Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» уже давно и достаточно известны русскому обществу. Написанные во второй половине XIX столетия, они распространялись и в рукописном виде и печатно. Переписаны они были на Афоне настоятелем Черемисского монастыря Казанской епархии, игуменом Паисием, и им же изданы. В 1884 г. в Москве вышло уже четвертое издание.

Автор этих рассказов остался неизвестным. Высказывались различные предположения. В числе возможных авторов называли и игумена Тихона, настоятеля одного из монастырей Нижегородской или Владимирской епархии, автора нескольких душеполезных книг, и оптинского старца Амвросия, и даже святителя Феофана Затворника Вышенского. Но никаких неопровержимых данных в пользу кого бы то ни было из них нет. Очень возможно, что это вообще неизвестный писатель, хотя и не лишенный литературного дарования и вкуса.

Кроме первых четырех «рассказов странника», в России в 1911 г. было издано (2-мя изданиями) дополнение к этим рассказам, найденное в бумагах известного оптинского старца, иеросхимонаха Амвросия. Эти новые – пятый, шестой и седьмой – рассказы были также переизданы отдельной брошюрой за границей в Русской церковной типографии во Вла-

димировой на Словенску в 1933 г. В настоящем издании читатель имеет все семь рассказов, дополненные, как и раньше, тремя «ключами» для внутреннего молитвенного делания, составленными из творений известных отцов-аскетов.

В значительной степени успех этой книжки объясняется ее внешними качествами, вполне соответствующими и ее внутреннему содержанию. Излишне говорить, что часто стиль духовно-просветительной литературы, не подчинявшийся требованиям литературной критики и культуры, отталкивал от себя очень многих читателей, жаждавших религиозного просвещения. Книги духовно-нравственного содержания почему-то почти всегда писались особым, неприемлемым для литературного слуха языком, обильно уснащенным славяно-русскими оборотами, языком условным, приторно-елейным и потому легко кажущимся неискренним. Можно смело сказать, что при всем богатстве богословских трактатов и монографий первоклассной научной ценности русское общество, жаждавшее религиозного просвещения, было совершенно лишено книг, написанных вполне естественным языком, не режущим слух литературно-образованного читателя. Даже академические переводы святоотеческих творений, почти всегда выполненные профессорами высших богословских школ, зачастую страдали от этого искусственного приспособления к выработанному стилю духовных листков и брошюр для народа. Пушкинскому языку почему-то закрыты были двери в эту область религи-

озной литературы.

«Рассказы странника» служат как раз счастливым исключением. Их автор сумел возвыситься над утвержденным уровнем духовно-нравственной письменности. Эта книга написана живым, народным и правильным русским языком. Конечно, она не чужда известной доли манерности; язык ее для нашего времени значительно устарел; он не свободен от примеси церковно-славянизмов; ритм и стиль кое-где не выдержан до конца. Но, в общем, эти детали никак не умаляют благоприятного впечатления от всего повествования странника. Это все не выдуманно и не искусственно создано. Автор, безусловно, слышал этот говор, так сказать, с натуры. Он вполне вошел в этот распев и владеет им умело и уверенно.

Встает вопрос, принадлежат ли вторые три рассказа тому же автору, что и первые четыре? Станным кажется, почему только в 1911 г., после того как книга выдержала четыре издания и была широко распространена по всей России, вдруг были найдены последние рассказы.

Гораздо важнее этой внешней стороны внутреннее содержание книги. Это – путь странника по бесконечным дорогам, большакам и проселкам святой Руси; одного из представителей той «во Христе бродячей» России, которую мы так хорошо знали тогда, давно, давно... – России, которой теперь нет и которой, вероятно, никогда больше и не будет. Это те, кто от прп. Сергия шли в Саров и на Валаам, в Оптину и к киевским угодникам, заходили и к Тихону и Мит-

рофанию, бывали и в Иркутске у святителя Иннокентия, доходили и до Афона и до Св. Земли. Они, «не имея пребывающего града, искали грядущего». Это те, кого манила даль и беспечная легкость бездомного жития. Оставив свой дом, они находили его в иноческих обителях. Сладости семейного уюта они предпочли назидательную беседу старцев и схимников. Крепкому укладу векового быта они противопоставили ритм монастырского богослужебного года с его праздниками и церковными воспоминаниями. Они кажутся нам теперь гораздо более близкими к бедняку из Ассизи или еще ближе к тем первохристианам, о которых древний автор написал: «Христиане населяют свои отечества, но как пришельцы; во всем участвуют, как граждане, но все терпят, как чужестранцы; всякая чужбина им – отечество, и всякое отечество – чужбина... Будучи во плоти, они не по плотскому живут; по земле скитаются, но на небе жительствоуют» (так называемое «Письмо к Диогнету»).

И вот этот «по милости Божией человек-христианин, по делам великий грешник, по званию бесприютный странник», ночующий то у мужика-полесовщика, то у купца, или в захолустной сибирской обители, а то у благочестивого помещика или священника, ведет свой безыскусственный рассказ о своем странствовании. Ритм его напева легко захватывает читателя, подчиняет себе и заставляет слушать и поучаться. Обогащаться тем богатым сокровищем, которым владеет этот бедняк, не имеющий ничего с собою, кроме сумки су-

харей, Библии за пазухой, да «Добролюбия» в своей сумке. Это сокровище – молитва. Тот дар и та стихия, которым безмерно богаты те, кто его стяжал. Это – то духовное богатство, которое отцы-аскеты называли «умным деланием», или «духовным трезвением», которое унаследовано от подвижников Египта, Синая и Афона и корни которого уходят в седую древность христианства. Это – то богатство, которое близко всем мистикам всех религий, то внутреннее самоуглубление, которое открывает «потаенного сердца человека», которое показывает подвижнику «ведение логосов твари», то есть премирный смысл и художественный замысел божественного плана созданной Вселенной.

Апостольские слова «непрестанно молитесь», с которых, в сущности, и начинается это духовное паломничество странника, полюбились христианским мистикам древности и, воплощенные в их внутреннем делании, выработались в особую духовную науку о постоянном трезвении ума. Уже Климент Александрийский, философ и богослов, один из первых христианских мистиков, знает основные принципы этого делания. Его совершенный «гностик» стремится молиться этой внутренней молитвою, которой не нужны ни особое время, ни место, ни книги, ни молитвенные символы. Ему не нужны слова и звуки. Безмолвная молитва его уст, шепот его губ, это – крик его сердца. Он молится весь день и всю жизнь. Он не нуждается в храмах, и богослужение его сердца не подчиняется церковному типикону. Цель его мо-

литвы – не исполнение прошений, а чистое созерцание Бога. Об этой же молитве знают и учат свв. Макарий Египетский и Антоний Великий, Иоанн Лествичник и Максим Исповедник, Исаак Сирий и Симеон Новый Богослов, Ареопагитики и Григорий Палама. То, что Церковь хранит бережно и ревниво в писаниях всех этих аскетов – художников этого делания, и представляет собою вершину всего молитвенного искусства.

Наиболее полное и яркое выражение свое оно получило в слове св. Симеона Нового Богослова о трех образах молитвы, раскрывающем нам всю ценность и содержание этой «безобразной» молитвы, – молитвы, не воплощенной в литургико-иконописные символы, а состоящей в непрестанном повторении имени Божия, услаждения им и созерцания в нем несозданных энергий Божиих, поскольку это дается Богом очищенному сердцу подвижника. От Паламы и Синаита этот опыт передался и сохранился у исихастов Афона; от них, через Паисия Величковского, был воспринят и нашими старцами, оптинскими и валаамскими исихастами.

Христианское подвижничество неоднократно пытались застилизовать под обскурантизм или гнушение миром и человеком. Но, имея «такое облако свидетелей» за собою, опираясь на весь святоотеческий опыт аскетики, подвижник, творец умной молитвы, есть в то же время и носитель истинного духовного просвещения. Он, как и совершенный гностик Климента, не только не колеблется перед кажущимися

противоречиями истинного ведения и веры, но и стремится всей душой и умом к стяжанию этого знания о вещах и о мире. Для него молитва есть не только путь к богообщению, но и к боговедению. Молитва имеет свое глубокое гносеологическое значение и открывает ему в его мистических созерцаниях то, что отцы называли «знанием логосов вещей», то есть премирного их смысла. Исихасту-страннику, повествователю своих откровенных рассказов, открылось целое миропонимание и мироощущение, неведомое мудрецам позитивного знания. За «грубою корою вещества» он видит божественные логосы этих тварей, ту настоящую реальность, отраженными символами которой являются вещи этого мира. Это наполняет его такой любовью к миру, к природе, к зверям и людям, что не только нельзя говорить о мироненавистничестве, но, наоборот, в его безыскусственном рассказе можно прочесть настоящий гимн любви к этому миру и человеку. Он познал сам и учит нас тому, что так знал, например, св. Максим Исповедник, да и другие отцы и писатели Церкви, а именно, что весь видимый мир представляет собою необъятное органическое целое, связанное союзом любви.

Углубленный в себя, в постоянное повторение святейшего имени Иисусова, он в безмолвном созерцании Логоса Божия достигает внутреннего озарения себя, а через то – и созерцания преображенного в Фаворском свете мира и человека.

*Профессор, архимандрит Киприан.
Сергиевское подворье.
Март 1948 г.*

Рассказ первый

Я по милости Божией человек-христианин, по делам великий грешник, по званию бесприютный странник, самого низкого сословия, скитающийся с места на место. Имение мое следующее: за плечами сумка сухарей да под пазухой Священная Библия, вот и все. В двадцать четвертую неделю после Троицына дня пришел я в церковь к обедне помолиться, читали Апостол из Послания к Солунянам, зачало 273, в котором сказано: *непрестанно молитесь*. Это изречение особенно вперилось в ум мой, и начал я думать, как же можно беспрестанно молиться, когда необходимо нужно каждому человеку и в других делах упражняться для поддержания своей жизни? Справился в Библии и там увидел собственными глазами то же, что слышал – и именно, что надо *непрестанно молиться* (1 Фес. 5, 16), *молиться во всякое время духом* (Еф. 6,18; 1 Тим. 2, 8), воздевать молитвенные руки на всяком месте. Думал, думал, не знал, как решить [1].

Что мне делать, подумал я, где сыскать, кто бы растолковал мне? [2] Пойду ходить по церквам, где славятся хорошие проповедники, авось там услышу себе вразумление. И пошел. Много слышал очень хороших проповедей о молитве. Но все они были наставления о молитве вообще; что есть молитва; как необходимо молиться; какие плоды молитвы; а о том, как преуспеть в молитве, никто не говорил. Была

проповедь о молитве духом и о непрестанной молитве, но как дойти до такой молитвы, не было указано. Так слушание проповедей и не привело меня к желаемому. Почему наслушавшись их и не получив понятия, как непрестанно молиться, я уже не стал слушать публичных проповедей, а решился при помощи Божией искать опытного и сведущего собеседника, который бы растолковал мне о непрестанной молитве, по неотступному влечению моему к этому познанию.

Долго я странствовал по разным местам: все читал Библию да расспрашивал, нет ли где какого духовного наставника или благоговейного опытного водителя? По времени сказали мне, что в оном селе живет уже давно господин и спасается: имеет в доме своем церковь, никуда не выезжает и все Богу молится, да беспрестанно читает душеспасительные книги. Услышав это, я уже не шел, а бежал в сказанное село; достиг и добрался до помещика.

– Какую имеешь до меня нужду? – спросил он меня.

– Я слышал, что вы человек богомольный и разумный, потому и прошу вас, ради Бога, растолковать мне, что значит сказанное у апостола: *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17), и каким образом можно непрестанно молиться? Желательно мне это узнать, а понять никак не могу.

Барин помолчал [3], пристально посмотрел на меня да и говорит: «Непрестанная внутренняя молитва есть беспрерывное стремление духа человеческого к Богу. Чтобы успеть

в этом сладостном упражнении, следует чаще просить Господа, чтоб научил Он непрестанно молиться.

Молись больше и усердней, молитва сама собою откроет тебе, каким образом может быть непрестанною; для сего потребно свое время».

Сказав это, он велел накормить меня, дал на дорогу и отпустил. И не растолковал.

Опять я пошел, думал-думал, читал-читал, размышлял-размышлял о том, что сказал мне барин и не мог-таки понять, а очень хотел уразуметь, так что и ночи не спались. Прошел верст двести и вот вхожу в большой губернский город. Увидел там монастырь. Остановившись на постоялом дворе, услышал, что в этом монастыре настоятель добрейший, богомольный и странноприимный. Пошел к нему. Он принял меня радушно, посадил и начал угощать.

– Отче святой! – сказал я, – угощение мне не нужно, а я желаю, чтоб вы дали мне духовное наставление, как спастись?

– Ну как спастись? Живи по заповедям да молись Богу, вот и будешь спасен!

– Я слышу, что надо непрестанно молиться, но не знаю, как непрестанно молиться, и не могу даже понять, что значит непрестанная молитва. Прошу вас, отец мой, растолковать мне это.

– Не знаю, любезный брат, как еще растолковать тебе. Э! Постой, есть у меня книжка, там растолковано, – и вынес

святителя Дмитрия духовное обучение внутреннего человека. – Вот, читай на этой странице.

Я начал читать следующее [4]: «Оные апостольские слова: *непрестанно молитесь* – должно разуместь о творимой умом молитве, ибо ум может быть всегда вперен в Бога и непрестанно ему молиться».

– Растолкуйте мне это, каким образом ум всегда может быть вперен в Бога, не отвлекаться и непрестанно молиться.

– Это весьма мудрено, разве кому сам Бог так даст, – сказал настоятель. И не растолковал.

Переночевав у него и наутро поблагодарив за ласковое странноприятие, я двинулся далее в путь, и сам не зная куда. Горевал о своем непонятии да для отрады читал святую Библию. Шел так дней пять по большой дороге, наконец, под вечер, нагнал меня какой-то старичок, по виду как будто из духовных.

На вопрос мой он сказал, что он схимонах из пустыни, которая верстах в 10, в сторону от большой дороги, и звал меня зайти с ним в их пустыню. У нас, говорил, странников принимают, успокаивают и кормят вместе с богомольцами на гостинице.

Мне что-то не хотелось заходить, и я отвечал на приглашение его так: «Покой мой зависит не от квартиры, а от духовного наставления, за пищей же я не гонюсь, у меня много сухарей в сумке».

– А какого рода ты ищешь наставления и в чем недоуме-

ваешь? Зайди, зайди, любезный брат, к нам, у нас есть опытные старцы, могущие дать духовное окормление и наставить на путь истинный, при свете слова Божия и рассуждения святых отцов.

– Вот видите, батюшка, около году тому назад, как я, будучи у обедни, услышал в Апостоле таковую заповедь: *непрестанно молитесь*. Не умея этого понять, я начал читать Библию. И там также во многих местах нашел повеление Божие, *что надо непрестанно молиться*, всегда, на всякое время, на всяком месте, не токмо при всех занятиях, не токмо в бодрствовании, но даже и во сне. *Я сплю, а сердце мое бодрствует* (Песн. 5, 2). Это очень удивило меня, и я не мог понять, как можно это исполнить и какие к тому способы. Сильное желание и любопытство возбудилось во мне, и день и ночь из ума моего это не выходило [5]. А потому я стал ходить по церквам, слушать проповеди о молитве, но сколько их ни выслушал, ни в одной не получил наставления, как непрестанно молиться; все только говорено было о приготовлении к молитве или плодах ее и подобное, не научая, как непрестанно молиться и что значит таковая молитва. Я часто читал Библию и ею проверял слышанное, но при этом не находил желаемого познания. И так я до сих пор остался в недоумении и беспокойстве.

Старец перекрестился и начал говорить:

– Благодарю Бога, возлюбленный брат, за открытие Им в тебе непреодолимого влечения к познанию непрестанной

внутренней молитвы. Познай в этом звание Божие и успокойся, уверившись, что до сего времени совершалось над тобою испытание согласия твоей воли на глас Божий, и даваемо было разуметь, что не мудростью мира сего и не внешней любознательностью достигают небесного света, непрестанной внутренней молитвы, но, напротив, нищетой духа и деятельным опытом обретается оное в простоте сердца. А потому несколько не удивительно, что ты не мог слышать о существенном деле молитвы и познать науку, как достичь непрестанного действия оной. Да и правду сказать, хотя немало проповедуют о молитве и много есть о ней поучений различных писателей, но поскольку все их рассуждения основаны большей частью на умозрении, на соображениях естественного разума, а не на деятельной опытности, то более они и поучают о принадлежностях молитвы, нежели о сущности самого предмета [6]. Иной прекрасно рассуждает о необходимости молитвы, другой – о ее силе и благотворности, третий – о средствах к совершенству молитвы, то есть о том, что для молитвы необходимо нужно усердие, внимание, теплота сердца, чистота мысли, примирение с врагами, смирение, сокрушение и прочее. А что такое молитва? и как научиться молиться? – на эти, хотя и первейшие и самонужнейшие вопросы, весьма редко у проповедников нашего времени можно находить обстоятельные объяснения, поскольку они труднее для понятия всех вышеисчисленных их рассуждений и требуют таинственного ведения, а не одной только школь-

ной научности. Да что еще всего сожальнее, что суетная стихийная мудрость заставляет измерять Божие мериллом человеческим. Многие о деле молитвы рассуждают совсем превращенно, думая, что приуготовительные средства и подвиги производят молитву, а не молитва рождает подвиги и все добродетели [7]. В таком случае они плоды или последствия молитвы неправильно принимают за средства и способы к оной и тем унижают силу молитвы. И это совершенно противно Священному Писанию, ибо апостол Павел дает наставление о молитве в таковых словах: *прежде всего прошу совершать молитвы* (1 Тим. 2,1). Здесь первое наставление в изречении апостола о молитве есть то, что он поставляет дело молитвы прежде всего: *прежде всего прошу совершать молитвы*. Много дел благих, которые требуются от христианина, но дело молитвы должно быть прежде всех дел, потому что без нее не может совершиться никакое другое благое дело.

Невозможно без молитвы найти путь ко Господу, уразуметь истину, *распять плоть со страстями и похотями* (Гал. 5, 24), просветиться в сердце светом Христовым и спасительно соединиться без предварительной, частой молитвы. Я говорю частой, ибо и совершенство и правильность молитвы вне нашей возможности, как говорит и святой апостол Павел: *мы не знаем, о чем молиться, как должно* (Рим. 8, 26).

Следственно, только частота, всегдашность оставлена на долю нашей возможности как средство к достижению молит-

венной чистоты, которая есть мать всякого духовного блага. «Стяжи мать, и произведет тебе чад, – говорит святой Исаак Сирин, – научись приобрести первую молитву и удобно исполнишь все добродетели». А об этом-то и неясно знают и немного говорят малознакомые с практикой и с таинственными учениями святых отцов.

В этом собеседовании мы нечувствительно подошли почти к самой пустыне. Чтобы не упустить мне того мудрого старца, а скорее получить разрешение моего желания, я поспешил сказать ему:

– Сделайте милость, честнейший батюшка, объясните мне, что значит непрестанная внутренняя молитва и как научиться оной: я вижу, что вы подробно и опытно это знаете.

Старец принял это мое прошение с любовью и позвал меня к себе:

– Зайди теперь ко мне, я дам тебе книгу святых отцов, из которой ты ясно и подробно можешь уразуметь и научиться молитве при помощи Божией.

Мы вошли в келью и старец начал говорить следующее:

– Непрестанная внутренняя Иисусова молитва есть непрерывное, никогда не престающее призывание Божественного имени Иисуса Христа устами, умом и сердцем, при воображении всегдашнего Его присутствия, и прошении Его помилования, при всех занятиях, на всяком месте, во всяком времени, даже и во сне. Она выражается в таковых словах: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» И если кто навик-

нет этому призыванию, то будет ощущать великое утешение и потребность творить всегда сию молитву так, что уже без молитвы и быть не может, и она уже сама собою будет в нем изливаться. Теперь понятно ли тебе, что есть непрестанная молитва?

– Очень понятно, отец мой! Бога ради научите меня, как ее достигнуть! – воскликнул я от радости.

– Как научиться молитве, о том прочтем вот в этой книге. Эта книга называется «Добротолюбие». Она содержит в себе полную и подробную науку о непрестанной внутренней молитве, изложенную двадцатью пятью святыми отцами, и так высока и полезна, что почитается главным и первейшим наставником в созерцательной духовной жизни, и, как выражается преподобный Никифор, «без труда и потов в спасение вводит».

– Неужели она выше и святее Библии? – спросил я.

– Нет, она не выше и не святее Библии, а содержит в себе светлые объяснения того, что таинственно содержится в Библии и не удобообразумно по высоте своей для нашего недальновидного ума. Я представляю тебе пример этому: солнце есть величайшее, блистательнейшее и превосходнейшее светило, но ты не можешь созерцать и рассматривать его простым, неогражденным глазом. Потребно известное искусственное стекло, хотя в миллионы раз меньшее и тусклее солнце, через которое мог бы ты рассматривать этого великолепного царя светил, восхищаться и принимать пла-

менные лучи его. Так и Священное Писание есть блистательное солнце, а «Добротолюбие» – то потребное стекло.

Теперь слушай – я буду читать, каким образом научиться непрестанной внутренней молитве. – Старец раскрыл «Добротолюбие», отыскал наставление святого Симеона Нового Богослова и начал: «Сядь безмолвно и уединенно, преклони главу, закрой глаза, потише дыши, воображением смотри внутрь сердца, своди ум, то есть мысль из головы в сердце. При дыхании говори: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», тихо устами или одним умом. Старайся отгонять помыслы, имей спокойное терпение и чаще повторяй сие занятие».

Потом старец все это мне растолковал, показал тому пример, и мы еще прочли из «Добротолюбия» святого Григория Синаита, да и преподобных Каллиста и Игнатия. Все прочтенное в «Добротолюбии» старец мне растолковал и своим еще словом [8].

Я с восхищением внимательно слушал все, поглощал памятью и старался как можно подробнее все помнить. Так мы просидели всю ночь и не спавши пошли к заутрени.

Старец, отпуская меня, благословил и сказал, чтоб я, учась молитве, ходил к нему с простосердечным исповеданием и откровением, ибо без проверки наставника самочинно заниматься внутренним деланием неудобно и малоуспешно.

Стоя в церкви, я чувствовал в себе пламенное усердие, чтобы как можно прилежнее изучить внутреннюю непре-

станную молитву, и просил о том Бога, чтобы Он помог мне. Потом думал, как же я буду ходить к старцу на совет или на дух с откровением, ведь на гостинице больше трех дней жить не дадут, около пустыни квартир нет?..

Наконец, услышал, что версты за четыре есть деревня. Пришел туда искать себе места, и по счастью моему Бог показал мне удобство. Я нанялся там на все лето у мужика стеречь огород, с тем чтобы и жить мне в шалаше на том огороде одному. Слава Богу! – нашел спокойное место. И так стал жить и учиться по показанному мне способу внутренней молитве, да похаживать к старцу.

С неделю я пристально занимался в уединении моем на огороде изучением непрестанной молитвы, точно так, как растолковал мне старец. Вначале как будто дело и пошло. Потом почувствовал большую тягость, лень, скуку, одолевающий сон, и разные помыслы тучею надвигались на меня. Со скорбью я пошел к старцу и рассказал ему мое положение. Он, любезно встретив меня, начал говорить:

– Это, возлюбленный брат, война против тебя темного мира, которому ничто в нас так не страшно, как сердечная молитва, и потому он всячески старается, чтобы помешать тебе и отвратить от изучения молитвы. Впрочем, и враг действует не иначе, как по воле Божией и попущению, сколько это для нас нужно. Видно, еще потребно тебе испытание к смирению, а потому еще и рано с неумеренным рвением касаться высшего сердечного входа, дабы не впасть в духовное

корыстолюбие.

Вот я тебе прочту об этом случае наставление из «Добро-толюбия». Старец отыскал учение преподобного Никифора монашествующего и начал читать: «Если несколько потрудившись, ты не можешь войти в страну сердечную так, как тебе было растолковано, то сделай, что я скажу тебе, и при помощи Божией найдешь искомое.

Знаешь, что способность словопроизношения находится у каждого человека в гортани. Этой способности, отгоняя помыслы (можешь, если захочешь), и дай беспрестанно говорить: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» – и понудись всегда произносить оное. Если некоторое время в том пробудешь, то отвержется тебе через это и сердечный вход без всякого сомнения. Это дознано по опыту».

– Вот слышишь, как наставляют святые отцы в таком случае, – сказал старец. – А потому ты должен теперь с доверенностью принять заповедь, сколь можно более творить устную Иисусову молитву. Вот тебе четки, по которым совершай на первый раз хоть по три тысячи молитв в каждый день. Стоишь ли, сидишь ли, ходишь ли, или лежишь, беспрестанно говори: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», – не громко и не спешно, и непременно верно выполняй по три тысячи в день, не прибавляй и не убавляй самочинно.

Бог поможет тебе через это достигнуть и непрестанного сердечного действия.

С радостью я принял такое его приказание и пошел в свое

место. Начал исполнять верно и в точности, как научил меня старец. Дня два мне было трудновато, а потом так сделалось легко и желательно, что когда не говоришь молитвы, являлось какое-то требование, чтобы опять творить Иисусову молитву, и она стала произноситься удобнее и с легкостью, не так уже, как прежде с понуждением.

Я объявил об этом старцу, и он приказал мне уже по шести тысяч молитв совершать в день, сказав:

— Будь спокоен и только, как можно вернее, старайся выполнить заповеданное тебе число молитв: Бог сотворит с тобою милость.

Целую неделю я в уединенном моем шалаше проходил каждодневно по шести тысяч Иисусовых молитв, не заботясь ни о чем и не взирая на помыслы, как бы они ни воевали; только о том и старался, чтобы в точности выполнить старцу заповедь.

И что же? — так привык к молитве, что если и на краткое время перестану ее творить, то чувствую, как бы чего-то не достаёт, как бы что-нибудь потерял; начну молитву, и опять в ту же минуту делается легко и отрадно. Когда встретишься с кем-нибудь, то и говорить уже не охотно, и все хочется быть в уединении да творить молитву; так привык к ней в неделю.

Дней десять не видав меня, старец сам пришел навестить меня, я объяснил ему мое состояние. Он, выслушав, сказал:

— Вот ты теперь привык к молитве, смотри же, поддержи-вай и усугубляй эту привычку, не теряй времени втуне и с

Божией помощью решишь не упустительно совершать по двенадцати тысяч молитв в день; держись уединения, вставай пораньше, да ложись попозднее, через каждые две недели ходи ко мне на совет.

Стал я так поступать, как повелел мне старец, и на первый день едва-едва успел в поздний вечер окончить мое двенадцатитысячное правило. На другой день совершил его легко и с удовольствием. Сперва чувствовал при беспрестанном изрекании молитвы усталость, или как бы одеревенение языка и какую-то связанность в челюстях, впрочем приятные, потом легкую и тонкую боль в нёбе рта, далее ощутил небольшую боль в большом пальце левой руки, которой перебирал четки, и воспламенение всей кисти, которое простиралось и до локтя и производило приятнейшее ощущение. Притом все это как бы возбуждало и понуждало к большему творению молитвы. И так дней пять исполнял верно по двенадцать тысяч молитв и вместе с привычкой получил приятность и охоту.

Однажды, рано поутру, как бы разбудила меня молитва [9]. Стал было читать утренние молитвы, но язык неловко их выговаривал, и все желание само собою стремилось, чтобы творить Иисусову молитву. И когда ее начал, как стало легко, отрадно, и язык и уста как бы сами собою выговаривали без моего понуждения!

Весь день провел я в радости и был как бы отрешенным от всего прочего, был как будто на другой земле и с легкостью

окончил двенадцать тысяч молитв в ранний вечер. Очень хотелось и еще творить молитву, но не смел более приказанного старцем. Таким образом и в прочие дни я продолжал призывание имени Иисуса Христа с легкостью и влечением к оному. Потом пошел к старцу на откровение и рассказал ему все подробно. Он, выслушав, начал говорить:

— Слава Богу, что открылась в тебе охота и легкость молитвы. Это дело естественное, приходящее от частого упражнения и подвига, подобно как машина, у которой дадут толчок или форс главному колесу, после долго сама собою действует, а чтобы продлить ее движение, надо оное колесо подмазывать да подталкивать. Вот видишь ли, какими превосходными способностями человеколюбивый Бог снабдил даже и чувственную натуру человека, какие могут являться ощущения и вне благодати и не в очищенной чувственности и в греховной душе, как уже сам ты это испытал? А как превосходно, восхитительно и насладительно, когда кому благоволит Господь открыть дар самодействующей духовной молитвы и очистить душу от страстей? Это состояние неизобразимо, и открытие этой молитвенной тайны есть предвкушение сладости небесной на земле.

Этого сподобляются в простоте любвеобильного сердца ищущие Господа! Теперь разрешаю тебе: твори молитву сколько хочешь, как можно более, все время бодрствования старайся посвящать молитве и уже без счисления призывай имя Иисуса Христа, смиренно предавая себя в волю Божию

и от Него ожидая помощи: верую, что Он не оставит тебя и управит путь твой.

Приняв такое наставление, я все лето проводил в беспрестанной устной Иисусовой молитве и был очень покоен. Во сне почасту грезилось, что творю молитву. А в день, если случалось с кем встретиться, то все без изъятия представлялись мне так любезны, как бы родные, хотя и не занимался с ними. Помыслы сами собою совсем стихли, и ни о чем я не думал, кроме молитвы, к слушанию которой начал склоняться ум, а сердце само собою по временам начало ощущать теплоту и какую-то приятность. Когда случалось приходить в церковь, то длинная пустынная служба казалась краткою и уже не была утомительна для сил, как прежде. Уединенный шалаш мой представлялся мне великолепным чертогом, и я не знал, как благодарить Бога, что Он мне, такому окаянному грешному, послал такого спасительного старца и наставника.

Но недолго я пользовался наставлениями моего любезного и богомудрого старца, — в конце лета он скончался. Я, со слезами простившись с ним, поблагодарив его за отеческое учение меня окаянного, выпросил себе после него на благословение четки, с которыми он всегда молился. Итак, я остался один. Наконец, и лето прошло, и огород убрали. Мне стало негде жить. Мужик расщел меня, дал мне за сторожбу два целковых да насыпал сумку сухарей на дорогу, и я опять пошел странствовать по разным местам, но уже ходил не так,

как прежде с нуждой; призывание имени Иисуса Христа веселило меня в пути, и все люди стали до меня добрее, казалось, как будто все меня стали любить.

Однажды стал я думать, куда мне девать полученные за хранение огорода деньги и на что мне они? Э! постой! Старца теперь нет, учить некому, куплю себе «Добротолюбие» да и стану по нему учиться внутренней молитве. Перекрестился да и иду себе с молитвой. Дошел до одного губернского города и начал по лавкам спрашивать «Добротолюбие», нашел в одном месте, но и то просят три целковых, а у меня только два, поторговался, поторговался, но купец несколько не уступил, наконец, сказал: «Пойди вон к этой церкви, там спроси старосту церковного, у него есть старенькая этакая книга, может, он и уступит тебе за два-то целковых». Я пошел и действительно купил за два целковых «Добротолюбие», все избитое и ветхое; обрадовался.

Кое-как починил его, обшил тряпкой и положил в сумку с моей Библией.

Вот теперь так и хожу да беспрестанно творю Иисусову молитву, которая мне драгоценнее и слаще всего в свете. Иду иногда верст по семидесяти и более в день и не чувствую, что иду, а чувствую только, что творю молитву. Когда сильный холод прохватит меня, я начну напряженнее говорить молитву и скоро весь согреюсь. Если голод меня начнет одолевать, я стану чаще призывать имя Иисуса Христа и забуду, что хотелось есть. Когда сделаюсь болен, начнется ломота в

спине и ногах, стану внимать молитве и боли не слышу. Когда кто-либо оскорбит меня, я только вспомню, как наслаждительна Иисусова молитва; тут же оскорбление и сердитость пройдут и все забуду. Сделался я какой-то полоумный, нет у меня ни о чем заботы, ничто меня не занимает, ни на что бы суетливое не глядел и был бы все один в уединении; только по привычке одного и хочется, чтобы беспрестанно творить молитву, и когда ею занимаюсь, то мне бывает очень весело. Бог знает, что такое со мною делается. Конечно, все это чувственное или, как говорил покойный старец, естественно и искусственно от навыка, но вскоре приступить к изучению и усвоению духовной молитвы внутрь сердца еще не смею, по недостойнству моему и глупости. Жду часа воли Божией, надеясь на молитвы покойного старца моего. Итак, хотя я и не достиг непрестанной самодействующей духовной молитвы в сердце, но, слава Богу, теперь ясно понимаю, что значит изречение, слышанное мною в Апостоле: *непрестанно молитесь*.

Рассказ второй

Долго я странствовал по разным местам с сопровождавшей меня Иисусовой молитвой, которая ободряла и утешала меня во всех путях, при всех встречах и случаях. Наконец, стал я чувствовать, что лучше бы где-нибудь остановиться на одном месте, как для удобнейшего уединения, так и для изучения «Добротолюбия», которое хотя и понемногу я читал, приютившись на ночлегах или при дневном отдыхе, однако ж было сильное желание, чтоб постоянно углубляться в оное и с верою почерпнуть из него истинное наставление ко спасению души через сердечную молитву. Но как, согласно тому моему желанию, я нигде, ни в какую посильную работу наняться не мог, по причине совершенного невладения левой моей рукой с самого малолетства, а потому, будучи в невозможности иметь постоянный приют, я пошел в сибирские страны, к святителю Иннокентию Иркутскому, с тем намерением, что по лесам и степям сибирским мне идти будет безмолвнее, следственно, и заниматься молитвой и чтением удобнее. Так я и шел да беспрестанно творил устную молитву. Наконец, через непродолжительное время почувствовал, что молитва сама собою начала как-то переходить в сердце, то есть сердце, при обыкновенном своем биении, начало как бы выговаривать внутри себя молитвенные слова за каждым своим ударом, например: 1) Господи, 2) Иисусе, 3) Христе,

и прочее. Я перестал устами говорить молитву[10] и начал с прилежанием слушать, как говорит сердце, помня, как толковал мне покойный старец, как это было приятно. Потом начал ощущать тонкую боль в сердце, а в мыслях такую любовь ко Иисусу Христу, что казалось, что если бы Его увидел, то так и кинулся бы к ногам Его и не выпустил бы их из рук своих, сладко лобызая, до слез, но благодаря, что Он такое утешение о имени Своем подает, по милости и любви Своей, недостойному и грешному созданию Своему.

Далее начало являться какое-то благотворное растепливание в сердце, и эта теплота простиралась и по всей груди. Это обратило меня в особенности к прилежному чтению «Добротолюбия», чтобы как поверять мои ощущения, так и изучать дальнейшее занятие внутренней сердечной молитвой, ибо без этой поверки боялся, чтобы не впасть в прелесть или не принять естественных действий за благодатные, и не возгордиться скорым приобретением молитвы, как слышал я от покойного старца. А потому я шел уже более по ночам, а дни преимущественно проводил в чтении «Добротолюбия», сидя в лесу под деревьями. Ах, сколько нового, сколько мудрого и доселе неведомого открыло мне это чтение! Упражняясь в нем, я вкушал такую сладость, какой до сего времени не мог и вообразить. Правда, хотя некоторые места были и непонятны при чтении глупому уму моему, но последствия, происходящие от сердечной молитвы, разъяснили мне непонимаемое; к тому же изредка видывал во сне и покойного

старца моего, который многое толковал мне и все более наклонял несмысленную душу мою ко смирению. С лишком два летних месяца я так блаженствовал. Путешествовал более лесами да проселочными дорогами: если приду в деревню, попрошу себе сумку сухарей да горсть соли, да налью бурачок воды, и опять пошел верст на сто.

По грехам, что ли, окаянной души моей, или по потребности в духовной жизни, или лучшему наставлению и опытности, под конец лета начали являться искушения. А именно: вышел я на большую дорогу, в сумерки нагнали меня два человека, похожие с голов на солдат, стали у меня требовать денег. Когда я отозвался, что не имею ни копейки, они ему не верили и дерзко кричали: «Врешь! Странники много набирают денег!» Один из них, сказав: «Да что с ним много говорить», – ударил меня дубиной в голову так, что я упал без памяти. Не знаю, долго ли я лежал без чувств, но, очнувшись, увидел, что я лежу у леса близ дороги весь раздерганный и сумки моей нет; одни только перерезанные веревки, на которых она была несена. Слава Богу, что не унесли паспорт, который лежал в ветхой моей шапке, на случай скорейшего показания, где требуют. Вставши, я горько заплакал, не столько от головной боли, сколько о том, что лишили книг моих, Библии и «Добротолюбия», бывших в унесенной сумке. Ни день, ни ночь не переставал я скорбеть и плакать. Где теперь моя Библия, которую я с малых лет читал и имел всегда при себе? Где мое «Добротолюбие», из которого

я почерпал и наставление и утешение? Лишился я, несчастный, и первого и последнего сокровища в моей жизни, еще не насытившись оным. Лучше бы меня совсем убили, нежели жить мне без этой духовной пищи! Не могу уже теперь опять приобрести их!

Два дня я едва передвигал ноги, изнемогая от сего горя, а на третий, совсем выбившись из сил, упал под куст и заснул. Вот и вижу во сне, будто я в пустыне в келье старца моего, оплакиваю свое горе.

Старец, утешая меня, начал говорить: «Это тебе урок беспристрастия к вещам земным для удобнейшего шествия к небу. Тебе это попущено для того, чтобы не впал ты в сластолюбие духовное. Бог хочет, чтобы христианин совершенно отвергался своей воли, хотения и всякого к оному пристрастия и совершенно предался бы в Его Божественную волю. Он все случаи устраивает к пользе и спасению человека. *Он хочет, чтобы все люди спаслись* (1 Тим. 2, 4). А потому ободрись и веруй, что *при искушении даст* Господь и *облегчение* (1 Кор. 10, 13). И ты вскоре утетишься гораздо более, чем теперь скорбишь». При этих словах я проснулся, почувствовал укрепление в силах, и в душе как бы какой-то рассвет, и успокоение. Да будет воля Господня, сказал я, перекрестился, встал и пошел. Молитва опять начала действовать в сердце по-прежнему, и дня три я путешествовал спокойно.

Вдруг нагоняю по дороге этап колодников, ведомых за

конвоем. Поравнявшись с ними, я увидел двух человек, которые меня ограбили, и так как они шли с краю прочих, то я упал им в ноги и убедительно просил их сказать, где мои книги. Сначала они не обратили на меня внимания, а потом один из них начал говорить: «Если что-нибудь дашь нам, то скажем, где твои книги. Дай нам целковый». Я побожился, что дам, непременно дам, хоть Христа ради попрошу по миру; вот, коли хотите, возьмите под залог паспорт мой. Они сказали, что книги мои в обозе везутся, с прочими обысканными у них воровскими вещами. «Как же я могу получить их?» – «Проси капитана, который нас провожает».

Я бросился к капитану и объяснил все подробно. Между прочим, он спросил меня: «Неужели ты умеешь читать Библию?» «Не только умею все читать, – ответил я, – но даже и писать: вы увидите на Библии надпись, что она моя, а вот и в паспорте моем означено то же имя и прозвание».

Капитан начал говорить: «Эти мошенники – беглые солдаты, они жили в землянке и многих грабили. Их вчера поймал ловкий ямщик, у которого они хотели отбить тройку. Пожалуй, я выдам тебе твои книги, коли они тут есть, но ты иди с нами на ночлег; вот недалеко, версты четыре, а то не останавливать же этап и обоз для тебя». Я с радостью пошел около верховой капитанской лошади да разговорился с ним. Увидел, что он человек добрый и честный, и уже не молод. Он спрашивал меня, кто я, откуда и куда иду. Я все отвечал по сущей правде, и так мы достигли до ночлежной этапной

избы. Он, отыскав мои книги, мне отдал да и говорит: «Куда ж теперь ночью тебе идти, ночуй вот у меня в прихожей». Я остался.

Получив книги, я так был рад, что не знал, как благодарить Бога; прижал книги к моей груди и держал до тех пор, что руки даже окостенели. Слезы лились из глаз моих от радости, и сердце сладко билось от восторга!

Капитан, смотря на меня, спросил: «Видно, ты любишь читать Библию». Я от радости не мог ничего на это ответить, только плакал. Он продолжал: «Я сам, брат, аккуратно читаю каждый день Евангелие. – При этом расстегнул мундир и снял маленькое Евангелие киевской печати, все окованное серебром. – Сядь-ка, я расскажу тебе, что к этому меня привело. Да подайте-ка нам ужинать!»

Мы сели за стол, капитан начал рассказывать: «Я с молодых лет служил в армии, а не в гарнизоне, знал службу и любим был начальством, как исправный прапорщик. Но лета были молодые, приятели тоже; я по несчастью и приучился пить, да под конец так, что открылась и запойная болезнь; когда не пью, то исправный офицер, а как закурю, то недель шесть в лежку.

Долго терпели мне, наконец, за грубости шефу, сделанные в пьяном виде, разжаловали меня в солдаты на три года с перемещением в гарнизон, а если не исправлюсь и не брошу пить, то угрожали строжайшим наказанием. В сем несчастном состоянии я сколько ни старался воздержаться и сколь-

ко от сего ни лечился, никак не мог покинуть моей страсти, а потому и хотели переместить меня уже в арестантские роты. Услышав это, не знал я, что с собою делать.

В одно время я с раздумьем сидел в казармах. Вдруг вошел к нам какой-то монах с книжкой для сбора на церковь. Кто что мог, – подали. Он, подошедши ко мне, спросил: «Что ты такой печальный?» Я, разговорившись с ним, пересказал мое горе. Монах, сочувствуя моему положению, начал: «Точно то же было с моим родным братом, и вот что ему помогло: его духовный отец дал ему Евангелие да и накрепко приказал, чтобы он, когда захочет вина, то нимало не медля прочел бы главу из Евангелия; если и опять захочет, то и опять читал бы следующую главу. Брат мой стал так поступать и в непродолжительное время страсть к питию в нем исчезла, и теперь вот уже пятнадцать лет капли хмельного не берет в рот. Поступай-ка и ты так, увидишь пользу. У меня есть Евангелие, пожалуй, я принесу тебе».

Выслушав это, я сказал ему: «Где же помочь твоему Евангелию, когда никакие старания мои, ни лекарственные пособия не могли удержать меня?» Я сказал это так потому, что никогда не читывал Евангелия. «Не говори этого, – возразил монах, – уверяю тебя, что будет польза». На другой день действительно монах принес мне вот это Евангелие. Я раскрыл его, посмотрел, почитал да и говорю: «Не возьму я его, тут ничего не поймешь, да и печать церковную читать я не привык». Монах продолжал убеждать меня, что в самых словах

Евангелия есть благодатная сила, ибо писано в нем то, что сам Бог говорил. «Нужды нет, что не понимаешь, только читай прилежно. Один святой сказал: «Если ты Слова Божия не понимаешь, так бесы понимают, что ты читаешь, и трепещут», а ведь страсть пьянственная непременно по возбуждению бесов. Да вот тебе еще скажу: Иоанн Златоустый пишет, что даже та самая храмина, в которой хранится Евангелие, устрашает духов тьмы и бывает неудобноприступна для их козней». Я не помню, что-то дал он тому монаху, взял у него то Евангелие, да и положил его в сундучок с прочими моими вещами и забыл про него. Спустя несколько времени пришло время мне запить, смерть захотелось вина, и я поскорее отпер сундучок, чтобы достать деньги и бежать в корчму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.